
ДО
ПОСЛЕДНЕГО
СЕАНСА
18+
К. К.

К К

До последнего сеанса

«Автор»
2026

К К.

До последнего сеанса / К. К — «Автор», 2026

Вера приезжает в Заречье, чтобы продать свою половину старого кинотеатра и вернуться к работе в Москве. У Михаила, второго владельца, осталась одна просьба: провести последний сеанс.Пока они готовят показ забытого фильма, Вера узнаёт незнакомого ей отца, Михаил учится отпускать дело, которому отдал пять лет, а между ними возникает чувство, для которого у обоих нет удобного места в расписании. Впереди — продажа здания, новая работа, дочь-подросток и два города.Тёплая повесть о любви после тридцати, семейной памяти и праве начать заново, сохранив собственную жизнь. Завершённая история о людях, которые учатся слышать друг друга, даже когда нужные слова даются труднее всего.

© К К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1. Билет без места 6
2. Человек в третьем ряду 9
3. Сорок две минуты 11
4. Непроданный вторник 13
5. Две строки 15
6. Берег без обещаний 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

К К
До последнего сеанса

К. К.
До последнего сеанса
Повесть

1. Билет без места

Вера приехала в Заречье с чемоданом, в котором лежали две одинаковые белые рубашки, и с намерением не задерживаться дольше трёх недель. В расписании обратных поездов она заранее обвела пятницу. Билет покупать не стала: последнее время всякое обещание, даже данное самой себе, требовало от неё слишком много сил.

На площади перед кинотеатром продавали рассаду. Был конец апреля, и помидорные кусты в обрезанных бутылках выглядели увереннее людей. Между ними Вера различила надпись на двери: «Закрыто. По вопросам имущества — во двор».

Её имя оказалось вопросом имущества.

Отец оставил ей половину здания. Вторую половину он ещё при жизни продал человеку по имени Михаил Ветров. Вера знала из письма нотариуса, что Ветрову сорок лет и что его адрес совпадает с адресом кинотеатра. Из этого она заключила, что он либо очень любит кино, либо плохо умеет выбирать недвижимость.

Во дворе мужчина сидел на корточках перед водосточной трубой. На нём была выцветшая куртка, в кармане торчала отвёртка. Под трубой стояло ведро с надписью «Попкорн».

— Михаил?

— Если вы по доставке, мне сначала надо посмотреть накладную.

— Я Вера Сомова.

Он поднялся слишком быстро и ударился плечом о низкую перекладину. Вера сделала вид, что не заметила. Мужчина заметил, что она сделала вид.

— Думал, вы завтра.

— Поезда ходят и сегодня.

— Знаю. Чемодан взять?

— Не нужно. Где можно поговорить?

Он посмотрел на ведро, словно советовался с ним, потом достал связку ключей.

Внутри пахло холодной тканью и водой из цветочных ваз. Никаких ваз Вера не увидела. В фойе стояла одинокая кассовая будка, стекло которой было заклеено бумажной снежинкой. Апрель ничего не мог с ней сделать.

— Отопление уже выключили, — сказал Михаил. — Чайник работает.

— Я ненадолго.

— Это я понял.

Он произнёс это без обиды, и потому Вере стало неловко. Она поставила чемодан у стены.

Двадцать лет назад отец стоял за этой кассой и отрывал детям билеты, не пересчитывая деньги. Мать называла это его главным талантом: любить незнакомых людей за счёт близких. После развода Вера приезжала сюда дважды. В последний раз — на похороны, когда снег ещё лежал вдоль забора.

Теперь ей предстояло превратить детство в сумму, которую можно разделить пополам.

— У меня есть покупатель, — сказала она.

Михаил не спросил какой.

— Кинотеатр ему не нужен?

— Помещение. Он хочет открыть магазин.

— Понятно.

— Вы же знаете, что я не собираюсь здесь работать.

— Знаю, что ваш отец об этом говорил. Вы пока ничего мне не сказали.

Она посмотрела на него внимательнее. Неприятно было обнаружить в человеке, которого заранее назначила упрямым провинциалом, способность слушать точно.

— Я живу в Москве. Работаю редактором субтитров. Моя жизнь там.

— Я не спорю.

— Но вы не согласны продать.

— Я не видел предложения.

Вера достала папку. Михаил расчистил стол в кабинете, убрав коробку винтов и чашку без ручки. Он читал медленно, придерживая лист ладонью. На указательном пальце белел старый шрам.

— Цена нормальная, — сказал он наконец. — Условия освобождения плохие.

— Двадцать рабочих дней.

— У нас тридцатого мая последний показ. Уже проданы билеты.

— Я думала, вы закрыты.

— Для ежедневных сеансов. Последний вечер ваш отец запланировал ещё зимой.

На стене висел календарь с обведённым числом. Рядом отец написал: «Свет не выключать сразу».

Вера отвела глаза.

— Сколько билетов?

— Сорок семь.

— Деньги можно вернуть.

— Можно.

Он не добавил ничего. Вера знала этот приём по работе: короткий ответ заставляет другого заполнять тишину оправданиями.

— Мне нужно закрыть вопрос до июня.

— Давайте спросим покупателя, может ли он подождать до первого.

Предложение было настолько разумным, что спорить стало не с чем. Вера набрала номер, отошла к окну и увидела своё отражение в тёмном стекле афишной тумбы. Андрей, представитель покупателя, согласился без затруднений. Магазин всё равно планировали открывать осенью.

Вернувшись, она обнаружила на столе второй стакан чая.

— До первого июня, — сказала Вера. — При условии, что до этого мы подготовим всё для сделки.

— Хорошо.

— И я не буду организовывать ваш вечер.

— Наш вечер пока принадлежит сорока семи людям. Они с вами не знакомы.

Впервые за день ей захотелось улыбнуться.

Михаил протянул ей ключ от кабинета и маленький картонный прямоугольник. На нём было напечатано название кинотеатра — «Луч». Дата и время отсутствовали.

— Это зачем?

— Нашёл среди бумаг вашего отца. Сзади ваше имя.

На обороте действительно стояло: «Верочке. Место найдём».

Она положила билет в кошелёк, отдельно от банковских карт.

— Где здесь гостиница?

— За площадью. Только скажите, что вам номер не над кухней.

— Почему?

— Они начинают отбивать мясо в шесть утра.

— Может быть, мне полезно рано вставать.

— Это разные желания: рано вставать и просыпаться от мяса.

Он проводил её до двери и вернулся к трубе. Ничего не спросил об отце. Ничего не сказал о том, как мало она приезжала. Вера была готова защищаться и не знала, куда теперь деть приготовленные слова.

На площади женщина с рассадой протянула ей горшочек базилика.

— Последний. Возьмите за полцены.
Вера купила его, хотя поставить растение было пока некуда.

2. Человек в третьем ряду

Номер над кухней оказался единственным свободным. В шесть утра Вера убедилась, что Михаил никогда не преувеличивал там, где речь шла о мясе.

Она принесла базилик в кинотеатр и поставила на подоконник кабинета. Из зала доносился стук. Между рядами лежал мужчина, которого она сначала приняла за пострадавшего.

— Вам плохо?

— Уже лучше, — ответил Михаил из-под кресла. — Нашёл гайку.

— Можно было сказать, что вы здесь.

— Я здесь каждый день.

Он выбрался, придерживая правую руку. Вера увидела слуховой аппарат за ухом и сразу отвела взгляд. Михаил заметил и это.

— Слева слышу лучше. Если будете сердиться, становитесь с этой стороны.

— Я не собиралась.

— Тогда просто разговаривать.

Он показал на третье кресло в седьмом ряду.

— Садитесь. Надо проверить, не качается ли.

Она села. Сиденье опустилось мягко, неожиданно бережно. Вера вспомнила, как в детстве не доставала ногами до пола. Теперь её колени почти упирались в спинку впереди.

— Не качается.

— Хорошее начало дня.

— Для кресла.

— Для нас обоих тоже.

Вера достала список. Ей нужны были сведения о коммунальных платежах, договоры, документы на оборудование. Михаил предложил завтрак, и она отказалась, потому что приехала работать. Через час желудок громко опроверг её деловой образ.

Они ели хлеб с сыром в кассе. Здесь было теплее: маленькая комнатка быстрее нагревалась от солнца. Михаил принёс два помидора и разделил их ножом с коротким лезвием.

— Вы были киномехаником?

— Звукорежиссёром. Потом техником. Теперь человеком, который знает, где выключается вода.

— Почему купили половину?

— Пять лет назад ваш отец предложил. Я вернулся из Петербурга, ему не хватало денег на ремонт крыши. Мне казалось, что небольшим залом можно заниматься без большой компании.

— И получилось?

Он оглядел фойе.

— Крыша не течёт.

— Я про бизнес.

— Нет. Бизнес не получился.

Признание прозвучало просто, без просьбы утешить. Вера подумала, что многие её знакомые могли бы продолжать объяснять неудачу часами: рынком, обстоятельствами, неготовностью аудитории.

— Тогда почему не закрыли раньше?

— Потому что два дня в неделю получалось нечто другое.

В дверь постучали. На пороге стояла женщина в ярко-жёлтом плаще и мальчик лет двенадцати с велосипедом.

— Здравствуйте, я Нина, — сказала женщина Вере. — А это мой сын Тимофей. Мы по поводу субтитров.

— Каких субтитров?

Михаил поставил чашку на стол.

— Я хотел вам рассказать.

Нина посмотрела на него так, как смотрят на человека, который опять отложил неприятный звонок.

Раз в месяц в «Луче» устраивали показы с развёрнутыми субтитрами: не только с репликами, но и с обозначениями важных звуков. Приходили люди с разным слухом, их друзья и родственники. Отец Веры предоставлял зал, Михаил готовил оборудование, Нина собирала зрителей. Иногда фильмы были старые, иногда местные авторы отдавали короткие работы.

— На прощальный вечер хотели документальный фильм о городе, — сказала Нина. — Его снимали в девяностых. Николай Павлович нашёл автора. Но копия пока без доступной дорожки.

— Я перевожу сериалы, — сказала Вера. — Это немного другое.

— Я не прошу вас работать бесплатно. Мы хотели узнать, возьмётесь ли за отдельную оплату.

Тимофей всё это время рассматривал рекламный щит с ценой мороженого, давно утратившей связь с действительностью.

— А фильм интересный? — спросил он.

— Про город, — ответил Михаил.

— Это не ответ.

— Справедливо.

Вера рассмеялась раньше, чем успела решить, уместно ли это.

Нина оставила номер. Они ушли, не добившись обещания. В кассе стало тихо.

— Вы рассказали им о моей работе?

— Ваш отец рассказывал всем. Я сказал только, что вы приехали.

Вера отвернулась к окну. На площади грузили пустые ящики. Мужчина в синей шапке перекладывал их с такой осторожностью, словно внутри оставались невидимые растения.

— Я посмотрю фильм, — сказала она. — Потом решу.

Михаил кивнул.

— И никакой истории о спасении кинотеатра. Я не спасатель.

— Я тоже.

Вечером Вера получила от него файл и короткое сообщение: «Длительность 42 минуты. Права на показ уточняем. Слева слышно лучше — это только про меня, не про всех».

Она перечитала последнее предложение. Потом открыла фильм.

На экране появилась площадь, ещё без магазинов и пластиковых горшков. Молодой отец стоял у дверей «Луча», прищурившись от света. Кто-то за кадром спросил, почему он не меняет вывеску.

— Название хорошее, — ответил отец. — Работать надо лучше.

Вера остановила запись. Через минуту включила снова.

3. Сорок две минуты

Фильм оказался несовершенным. Камера дрожала, ветер забивал микрофон, человек в кадре иногда ждал вопроса, который зритель уже слышал. Вера привыкла исправлять чужую речь, сокращая её до двух строк. Здесь сокращение казалось вмешательством в чужую жизнь.

Режиссёр, тогда студент, спрашивал жителей Заречья, что они собираются сделать в ближайший год. Пекарь хотел купить вторую печь. Школьница — поступить в театральный. Отец — вернуть дневные сеансы. Женщина на остановке отвечала, что хочет просто выспаться.

В конце фильма камера оставалась на пустой площади. Слышался трамвай, хотя рельсов в кадре не было.

Вера написала: «Звенит трамвай». Потом стёрла. Звон был совсем коротким и не менял происходящего. Но для человека, который не слышал его, площадь становилась другой: без ожидания движения за границей изображения.

Она сохранила обе версии.

Михаил пришёл в гостиничное кафе к одиннадцати. Вера пригласила его туда, чтобы разговор не выглядел продолжением вчерашнего завтрака.

— Сорок две минуты — это не два вечера работы, — сказала она.

— Я понимаю.

— Нужны проверка текста, тайминг, просмотр с пользователями. И исходный файл лучше этой копии.

— Автор живёт в Рыбинске. Сегодня обещал поискать.

— Нужен письменный ответ о показе.

— Уже написал.

Она подвинула лист со стоимостью. Михаил посмотрел и согласился.

— Вы не будете торговаться?

— Вы же не будете брать деньги за то, чего не сделаете.

— Странная вера в людей для человека с убыточным кинотеатром.

— Это разные статьи расходов.

Вера заметила, как он выбирает место: так, чтобы видеть её лицо и не сидеть спиной к стойке с кофемашиной. Она пересела прежде, чем он попросил.

— Спасибо, — сказал он.

— Здесь меньше бликует экран.

— И это тоже.

Они составили простой договор. Вера настояла, чтобы заказчиком выступала организация Нины, которая собирала деньги на вечер, а оплата не зависела от будущей продажи здания. Михаил позвонил Нине. Та сказала, что давно мечтала услышать в «Луче» слова «срок приёмки».

После разговора Михаил заказал пирог.

— Я не ем сладкое до обеда, — сказала Вера.

— Тогда мне повезло, что сейчас одиннадцать пятьдесят восемь.

Она посмотрела на часы.

— Вы специально?

— Нет. Я не настолько организован.

Пирог был с капустой. Вера отломила кусочек, потом ещё один.

О своей московской жизни она рассказала неожиданно много. О редакции, где человека узнают по стилю комментариев в файле. О вечных просьбах «сделать живее», хотя персонаж на экране только что умер. О квартире, которую они с бывшим мужем продали, и о съёмной студии, где хозяйка запретила сверлить стены.

— А вам что хотелось повесить?

— Полку.

— Для книг?

— Для чашек. У меня восемь чашек и один человек.

Михаил не стал спрашивать, почему они развелись. Вера сама сказала:

— Мы всё время готовились к жизни. Ремонт, отпуск, повышение. Потом выяснилось, что подготовка и была жизнью, только мне в ней не нашлось места.

— Вы сказали ему это?

— После развода. Очень своевременно.

— А он?

— Сказал, что тоже ждал.

В кафе включили музыку. Михаил чуть повернул голову, и Вера остановилась.

— Не надо прекращать, — сказал он. — Только ближе.

Она наклонилась через стол. Впервые за долгое время близость была не намёком и не проверкой, а конкретной необходимостью. Это оказалось удивительно легко.

— А вы? — спросила она.

— Что я?

— Тоже всё время готовились?

Он провёл пальцем по краю блюдца.

— Я долго делал вид, что ничего не изменилось. После болезни слух стал хуже. Работать на концертах так, как раньше, уже не мог. Мне предлагали другие задачи, а я слышал в каждом предложении жалость. Уволился раньше, чем меня успели обидеть.

— Успели?

— Нет. Я справился сам.

Они помолчали. Вера не сказала, что всё к лучшему. Михаил за это ничего не поблагодарил, но плечи у него расслабились.

На выходе он придержал дверь. Она заметила, что у его куртки оторвана нижняя кнопка.

— В гостинице есть набор для шитья, — сказала Вера.

— Это приглашение?

Она почувствовала, что краснеет.

— Это наблюдение.

— Тогда запишем: наблюдательность высокая.

Он не подошёл ближе, не коснулся её руки. Вера почему-то была ему благодарна и одновременно немного разочарована.

В номере она открыла фильм и написала на пустой площади: «Вдали звенит трамвай». На этот раз не стёрла.

4. Непроданный вторник

Покупатель приехал во вторник. Андрей оказался младше Веры и говорил с той осторожной приветливостью, которая позволяла ему не отвечать за собственную фирму слишком лично.

Он принёс план магазина. Там, где был экран, располагался склад. Касса исчезла, а входные двери раздвинулись до размеров, невозможных без серьёзной переделки.

— Это предварительно, — сказал Андрей. — Потом проектировщики посмотрят.

Михаил поставил перед ним чай и отошёл к окну.

— У вас есть ограничения по фасаду? — спросил Андрей.

— Документы в папке, — ответила Вера. — Мы не будем оценивать это на глаз.

Она увидела, как Михаил едва заметно улыбнулся. Ей понравилось, что он не вмешивается, пока она ведёт разговор.

Потом Андрей спросил, какое оборудование входит в цену. Михаил принёс перечень. Проектор, колонки, старые кресла — отдельно. Покупателю они не требовались.

— Вы сможете вывезти за два дня?

— Нет, — сказал Михаил.

— Тогда до сделки.

— После последнего показа и до передачи. Даты согласуем письменно.

Вера положила ручку.

— Именно так.

Впервые они оказались по одну сторону стола не случайно.

После ухода Андрея Михаил долго рассматривал план. Вера ожидала упрёка.

— Склад без окна, — сказал он. — Вашему отцу было бы жалко не экран, а окно.

— Он говорил вам обо мне?

Вопрос вырвался неожиданно даже для неё.

— Да.

— Что?

— Что вы умеете слушать речь так, как другие читают партитуру.

Вера усмехнулась.

— Красиво. Он всегда красиво говорил.

— Ещё говорил, что вы редко звоните. И что он сам не знает, с чего начать разговор.

— С «здравствуй» можно было.

Михаил не ответил.

Вера ходила между рядами. Её раздражало всё: пыль на подлокотниках, чужое терпение, собственный голос, который вдруг стал детским.

— Мама одна меня растила. Он присылал деньги, когда мог. А мог, когда здесь не ломалось что-нибудь более важное.

— Я не знал его тогда.

— Но будете говорить, какой он был хороший.

— Нет. Я знал другого вашего отца. Это не отменяет вашего.

Она остановилась у третьего ряда.

Столько лет ей казалось, что нужно выбрать одну версию: щедрый человек или плохой отец. От выбора зависело, имеет ли она право скучать. Михаил не потребовал решения.

— Простите, — сказала Вера.

— За что?

— Я разговариваю с вами так, будто вы его адвокат.

— Мне не платили. Я бы не взялся.

Она выдохнула, и напряжение отпустило не сразу, а частями.

Михаил показал шкаф с личными вещами. Вера нашла старый шарф, коробку открыток, очки с изолентой на дужке. На верхней полке лежал конверт с её фотографией: выпускной, нелепое серебристое платье. Отец вырезал снимок из общей фотографии, оставив сбоку чужую руку.

Она положила конверт обратно.

— Я сегодня не могу.

— Шкаф никуда не уйдёт до первого июня.

— А потом?

— Потом решите.

Вечером Вера позвонила матери. Та спросила о покупателе, цене и гостинице.

— Здесь есть человек, который работал с папой.

— Этот Ветров?

— Да.

— Только не дай ему уговорить тебя всё бросить.

— Он не уговаривает.

— Значит, умнее отца.

Вера хотела возразить, но услышала в голосе матери усталость, которую раньше принимала за злость.

— Мам, я не собираюсь повторять вашу жизнь.

— Никто не собирается. Все сначала просто помогают.

После звонка Вера впервые проверила обратные билеты. Мест было много. Уехать по-прежнему было легко. От этого решение остаться ещё на день стало настоящим решением.

5. Две строки

Нина принесла на проверку ноутбук с поцарапанной крышкой и пакет мандаринов. Тимофей сел рядом и сразу спросил, можно ли говорить, если плохо.

— Нужно, — ответила Вера.

— Взрослые часто говорят «нужно», а потом обижаются.

— Я постараюсь не делать и того и другого одновременно.

Первый просмотр они устроили в кабинете. Вера объяснила, что это черновая версия, и попросила останавливать запись в любом месте. Через полминуты Тимофей поднял руку.

— Кто это говорит?

На экране были две женщины у киоска. Одна стояла спиной. Вера знала по голосу, что реплика принадлежит ей, и не обозначила этого.

— Вы правы.

Она исправила подпись. Через минуту выяснилось, что надпись закрывает название магазина, важное для шутки. Потом — что длинная фраза исчезает раньше, чем Нина успевает дочитать.

Вера чувствовала, как внутри поднимается профессиональная защита. Она десять лет занималась текстами. Ей хотелось объяснить ограничения, темп речи, плохую копию. Вместо этого она открыла новый лист замечаний.

— Давайте ещё раз с начала.

После пятого повтора Михаил принёс воду.

— Перерыв?

— Нам осталось немного, — сказала Вера.

— Нам устало, — ответил Тимофей.

Нина улыбнулась ему, и Вера закрыла ноутбук.

Они сидели в фойе, очищали мандарины и спорили о слове «грохот». Тимофей считал, что в одном месте нужно написать «падает ведро», потому что грохот мог быть любым. Нина говорила, что ведра не видно и это только догадка. Михаил подтвердил: звук записан отдельно, режиссёр сам уже не помнил его источник.

— Значит, грохот, — сказала Вера. — Не будем придумывать предмет.

Она неожиданно почувствовала удовольствие от работы. В Москве правки часто были борьбой вкусов. Здесь у каждого решения был человек, которому оно помогало или мешало.

После ухода Нины Михаил включил фильм на большом экране. Вера села в третьем ряду, он — через кресло.

— Почему не рядом? — спросила она.

— Вам нужен столик для ноутбука. Это кресло не опускается до конца.

— Я решила, что вы очень воспитанный.

— Иногда поломки делают человека лучше.

Они досмотрели молча. На экране отец закрывал дверь кинотеатра и не сразу попадал ключом в замок. Вера впервые заметила, что он был тогда младше её нынешней.

— Мне тридцать восемь, — сказала она.

Михаил посмотрел на неё.

— Поздравлять рано или поздно?

— Я просто поняла, что считала его взрослым. Он тоже не знал, что делает.

— Наверное.

— Это не оправдание.

— Нет.

Она откинулась на спинку. Михаил сидел рядом, не предлагая готовой мысли. Вера привыкла считать такую тишину отсутствием внимания. Теперь различала в ней усилие: не занять всё пространство собой.

Когда включили свет, он спросил:

— Завтра после работы пойдём к реке?

— Это осмотр недвижимости?

— Нет. Прогулка.

— Со мной?

— Я могу сформулировать подробнее, если нужно.

— Не нужно.

Она закрыла ноутбук и слишком долго убирала провод.

У дверей Михаил сказал:

— Если передумаете, просто напишите.

— Вы заранее готовитесь к отказу?

— Я оставляю вам возможность.

Вера подняла воротник. На улице начинался дождь, но она решила идти пешком. В гостинице уже не хотелось сразу включать телевизор, чтобы кто-нибудь говорил в комнате.

6. Берег без обещаний

К реке они пошли через рынок. Михаил купил хлеб, Вера — бумажный стакан кофе, хотя он предупреждал, что кофе здесь похож на дисциплинарную меру.

— Вы всегда предупреждаете?

— Только когда могу сэкономить человеку тридцать минут страдания.

— Он не такой плохой.

Она сделала второй глоток и передала стакан ему.

— Проверите?

Михаил попробовал.

— Я был несправедлив. Здесь минут сорок.

У реки стояли скамейки, покрашенные разными оттенками зелёного. На одной сохранилась табличка с фамилией спонсора, но буквы выцвели, и теперь она выражала бескорыстную благодарность неизвестному человеку.

Вера села. Михаил положил рядом пакет с хлебом.

— У вас есть дети?

— Дочь. Ей шестнадцать. Живёт с матерью в Петербурге.

— Часто видитесь?

— Реже, чем мне хотелось бы. Чаще, чем ей кажется необходимым.

— Понятно.

— Не совсем. Я четыре года говорил себе, что не хочу мешать. Очень удобное объяснение, чтобы не выдерживать чужое недовольство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.